

УДК 39(571.1)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-16-20

В. В. Бубликов*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация***Трансформация этнической идентичности биэтничного русско-украинского населения Западной Сибири (по материалам полевых исследования 2020 г. в Алтайском крае и Омской области)¹**

Аннотация. Эмпирические исследования, выполненные в 2020 г. в регионах традиционного проживания русско-украинского населения в Западной Сибири, свидетельствуют, что данная этногруппа по признаку трансформации этнической самоидентичности в течении жизни делится на две примерно равные группы: тех лиц, у кого ощущение двойной этничности присутствовало, по их собственному утверждению, всегда, и тех, у кого соотношение русской и украинской компонент этничности менялось под воздействием различных факторов, которые рассматриваются в статье. **Ключевые слова:** этническая идентичность, множественная этноидентичность, русские, украинцы, русско-украинцы, Западная Сибирь.

Идентичность этнически смешанного русско-украинского населения, которое в последние десятилетия демонстрирует гибкость своего самосознания, чаще всего обусловленную логикой инструменталистского поведения этнического меньшинства, долгое время оставалась на периферии интереса научного сообщества. Традиции советской этнологии и этнографии, предполагающие изучение «этносов» как неких этнокультурных монолитов, не позволяли «увидеть» группы на «стыке» этих этносов. В. В. Степанов пишет по этому вопросу: «В советские годы для многих отечественных этнологов, социологов, психологов были только русские, украинцы, татары, евреи и иные однозначные самоидентификации и никого «между ними», а для статорганов и паспортных столов — двойная национальность вообще казалась абсурдом» [1, с. 70]. Кстати, нередко этим же госорганам концепция возможности принадлежности только к одному «этносу» не мешала выдавать одному и тому же человеку документы с разными «национальностями». Ситуации, когда потомки украинских переселенцев (а равно и российские белорусы, немцы, евреи и др.) имели в документах разные национальности, были и остаются массовыми.

Часто в научной литературе статистическое уменьшение численности украинцев в России, фиксируемое все постсоветские десятилетия, объясняется крайне упрощенно, как некий линейный процесс «естественной ассимиляции». Однако на практике, как показывает ряд этносоциологических исследований [2], в том числе и выполненных учеными Института этнологии и антропологии РАН [3], в реальности речь идет скорее не о полной ассимиляции, а о распространении среди таких лиц множественной (чаще всего двойной) этничности, по крайней мере на несколько поколений.

Е. Ф. Фурсова также «приходит к выводу о формировании плавающей или ситуативной идентичности столыпинских переселенцев Западной Сибири, которая включает также промежуточные русско-украинские варианты», а нестыковки в переписях, по ее мнению, обусловлены именно существованием этой «плавающей» идентичности потомков украинских переселенцев, «а не медлительными процессами ассимиляции или «русификации»» [4, с. 748].

Эта смешанная, биэтничная группа населения только начинает входить в сферу интересов этнологов и этносоциологов, чему в определенной степени способствовали и события во взаимоотношениях России и Украины последних 6–7 лет. Как пишет Н. В. Люля, «на периферии научных изысканий остаются вопросы этнической идентичности украинского населения в 2010-е гг. и влияние на них событий 2014 года» [5, с. 114].

В июле 2020 г. в двух регионах Западной Сибири (Алтайском крае и Омской области) в рамках реализации проекта «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности» было проведено 40 глубинных интервью с жителями, имеющими русско-украинскую этническую идентичность. Условием участия респондентов в исследовании являлось обязательное наличие в той или иной форме (соотношении) и русской, и украинской этничности. Вместе с этим такие респонденты часто пользуются и иными этнонимами, чаще всего это самоназвание «хохлы», с которым себя идентифицируют 82% опрошенных. Допускалось также участие респондентов, имеющих еще какую-либо этническую компоненту в идентичности. Из 40 респондентов наличие третьей этнической компоненты указали четыре респондента: два — немецкой, по одному — эстонской и польской.

Одной из целей исследования стало выявление причин трансформации идентичности русско-украинских жителей, в том числе и причины самого появления у них двойной этничности.

Интервью проводились как в крупных городах — на территориях дисперсного проживания биэтнич-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00676/20 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

ных жителей (города Барнаул и Омск), так и в сельских районах – местах компактного проживания таких респондентов (Романовский р-н Алтайского края, Павлоградский р-н Омской области). Из 40 респондентов: 15 – мужчины (38%), 25 – женщины (62%); 10 опрошенных (25%) возрасте 18–34 года, по 15 респондентов (38%) – в возрастных группах 35–60 лет и 60 лет и старше. Подавляющее большинство интервьюируемых (34 чел., или 85%) уроженцы регионов проведения опроса.

Большинство наших респондентов с русско-украинской идентичностью в последней переписи населения (2010 г.) или в документах записались украинцами (21 чел., или 53%), 16 чел. (40%) – русскими. Еще 3 человека (7%) указали, что в разных переписях указывали разную национальность или не помнят, что они указывали в переписи или в документах.

Этническое происхождение биэтнических респондентов также преимущественно украинское: 83% указали, что их отец по национальности украинец, у 60% – мать украинка (табл. 1).

Таблица 1
Этническая принадлежность респондентов с русско-украинской идентичностью, %

Национальность	Русский (-ая)	Украинец (-ка)	Иные варианты этничности
Отец	10	83	7
Мать	30	60	10

Таким образом, большинство среди опрошенных жителей Западной Сибири с русско-украинской этничностью имеют украинское происхождение по обоим родителям – 23 чел. или 58%, 13 чел. (32%) – имеют родителей разных национальностей, еще 4 чел. (10%) указали, что оба их родителя русские, хотя сами респонденты отмечают их украинское происхождение (т. е. это обрусевшие украинцы).

Наблюдаются значительные различия в этническом происхождении респондентов с двойной этничностью в городах и сельской местности. Так, среди жителей городов – региональных столиц об этнически смешанном происхождении заявили 40%, только русских родителей имеют 20%, только украинцев – всего 35%, в то время как в сельской местности обоих родителей-украинцев имеют 80%, а родились в смешанных семьях лишь 20%.

Сама природа множественной, двойной этничности обуславливает возможность изменения соотношения этнических компонентов идентичности в течении жизни человека. Другими словами, русская и украинская компоненты могли возникнуть или усилиться в течении жизни под воздействием тех или иных обстоятельств как личного, так и общественно-политического характера.

В ходе проведения интервью респондентам был задан вопрос: «Изменялось ли в течении жизни Ваше самоощущение, оценка собственной национальности?» Результаты опроса показали, что наши респонденты распределились на две количествен-

но равные группы (по 20 чел. каждая): одни заявили об изменении этноидентичности в течение жизни, другие, напротив, сказали, что они всегда чувствовали в себе двойную русско-украинскую идентичность и их ощущение собственной национальности не менялось. Среди респондентов, отметивших ту или иную форму трансформации этничности, 11 заявили о повышении украинской составляющей в их идентичности, 7 – о повышении русской, и еще 2 респондента указали на неоднократное изменение компонент этничности. Здесь необходимо подчеркнуть, что количественные параметры групп респондентов, заявивших о росте в течение их жизни «русскости» или «украинскости», могут не отражать реального распределения этих позиций во всем многочисленном русско-украинском сообществе. Количественное распределение предполагается исследовать в 2021 г. при проведении массового анкетирования биэтнических жителей. В 2020 г. целью интервью являлось изучение не количественных, а качественных параметров, т. е. выявление и систематизация всего возможного спектра мнений по исследуемой проблематике, в данном случае – причин трансформации этнического самосознания.

Наиболее часто встречающейся причиной изменения компонентов этнического самосознания у русско-украинского населения является изменение лингво-культурной среды проживания или социального взаимодействия (школа, работа и т. д.) (табл. 2).

Таблица 2
Факторы изменения этнической идентичности русско-украинскими жителями Западной Сибири

	Повышение русской компоненты в этноидентичности	Повышение украинской компоненты в этноидентичности	Множественное изменение соотношения этнокомпонент
Причины изменения компонент в этноидентичности	Переезд из села (с преобладанием украинского населения) в город (с преобладанием русского населения)	Интерес к корням	Переезд из села в город и обратно (в селе – рост украинской идентичности, в городе – русской)
	Влияние русскоязычной школы и работы на этничность	Общение с родственниками в Украине и/или поездки туда	
	«Стигматизация украинскости» / ощущение неравного социального статуса	Влияние интереса к украинской культуре	
		Влияние политических событий	

Наиболее распространенной причиной снижения значения украинской компоненты в этничности русско-украинского населения является миграция

из села (с преимущественно украинской этнокультурной средой) в город (с русской этнокультурной средой) и/или влияние русскоязычной школы и сферы образования в целом:

«В детстве мы были украинками, а уже в город пошли учиться, там мы уже русско-украинки, ну как бы русскими» (жен., 1956 г. р., Павлоградский р-н Омской обл.).

«Раньше, когда мы были маленькие, то разговаривали по-украински, а потом уже, когда в школу пошли, в город выехали, там уже как-то, никто не понимает [украинский], и всё вот так перевернулось, стали русскими мы все» (муж., 1950 г. р., Павлоградский р-н Омской обл.).

«Ощущение себя более русским с возрастом в городе, если это считать показателем изменения, ну тогда, наверное, да, переезд [из села в город] влияет» (муж., 1979 г. р., г. Барнаул, Алтайский край).

«В детстве, конечно, когда еще родители [были живы], они вообще по-русски не разговаривали, балакалы... конечно, мы тогда считали себя украинцами, а потом уже, как в школу пошла, уже как стала повзрослее, тут уже вот и говорим по-русски, и живем так вот по-русски, не по-украински» (жен., 1948 г. р., Романовский р-н, Алтайский край).

Практически единодушным в этой группе мнений является отождествление этничности и основного языка взаимодействия, прежде всего социального (школа, работа, СМИ и т. д.). Причем в случае возвратной миграции из города в село изменения языка взаимодействия и культурного окружения возрастает и украинская компонента этничности:

«Раньше, когда в паспорте писалась национальность, всегда было написано «украинка»... но когда я была тридцать лет замужем в Омской области, то я там была русская, конечно, а по прибытии сюда опять стала хохлушкой» (жен., 1958 г. р., Романовский р-н, Алтайский край).

«Где-то обострялась украинская самоидентичность, а где-то она притуплялась. Обострялась — когда конфликт начался [события 2014–2015 гг.], притуплялась — когда я жил в Омске четыре года и учился, то общался с различными национальностями... и поэтому круг общения разбавился, поэтому как-то идентичности национальной меньше... в крупном городе она разбавляется. А вот когда я уже на селе, приехал назад, как-то она опять, опять. Потому что как какой праздник — бабушки в вышиванках... сразу украинцы, украинцы» (муж., 1995 г. р., Павлоградский р-н Омской обл.).

Примечательно, что в вышеприведенном ответе респондент заявляет о влиянии двух факторов: изменения этнокультурной среды по направлению город–село и обратно, а также воздействия на идентичность политических процессов, в частности событий 2014–2015 гг. в Украине.

Еще одной причиной понижения украинской компоненты в идентичности русско-украинских жителей являлся более низкий социокультурный статус украинского языка и культуры (а следовательно,

и идентичности), особенно в советский период после свертывания «коренизации», т. е. стигматизация украинской этничности в качестве «отсталой», «деревенской» или «колхозной»:

«До 12 лет считал себя украинцем, тут украинцев не так любили, как русских, когда русские появились [в селе] в 58–59-х гг. нас, хохлов, не любили, пришлось переписываться русскими...» (муж., 1950 г. р., Романовский р-н, Алтайский край).

Теперь рассмотрим причины повышения украинской компоненты в этноидентичности русско-украинских жителей Западной Сибири. Из них чаще всего встречается интерес к этническим корням, истории семьи:

«Раньше я еще не понимала, что означает быть человеком определенной национальности, и с той точки зрения, что я родилась в России, я считала себя русской. Но, заинтересовавшись историей своей фамилии, семьи, я поняла то, что я больше украинка» (жен., 2002 г. р., г. Омск).

«До армии, до колледжа больше себя русским считал, в историю своих корней не вдавался... а вот когда уже начал анализировать, как мои предки, дедушка с бабушкой, пели украинские песни... мне стала близка и украинская культура... Поэтому, получается, лет с двадцати где-то я начал приобщаться к украинской культуре, но я б не сказал, что я стал украинцем, просто в тот момент я стал ощущать, что у меня украинские корни, я ощутил, что я русский украинец» (муж., 1974 г. р., Романовский р-н, Алтайский край).

«Из-за рассказов родителей. Со временем то, что узнавал, побольше, побольше. С возрастом больше ощущаю русско-украинским человеком» (муж., 1997 г. р., Романовский р-н, Алтайский край).

Эта причина — интерес к этническим корням и, соответственно, возрастание «украинскости» — характерна прежде всего для молодежи и людей среднего возраста, тогда как старшее поколение, напротив, чаще заявляет об отсутствии у них интереса к корням и происхождению в период, когда они были молодыми (советское время). Другими словами, после распада СССР произошел некий всплеск интереса к своему происхождению, что в том числе привело и к появлению или возрождению украинской идентичности у части людей украинского происхождения.

Вторая по частоте упоминания причина повышения роли украинской части идентичности — появление интереса к украинской культуре (прежде всего к музыке, песне), который, впрочем, все равно обусловлен этническим происхождением таких лиц:

«Она [украинская идентичность] как-то затухала во мне, а потом, когда у меня дочь выросла и пошла по направлению украинских песен, украинский быт, ну это все, в нас прям возобновилось, основа» (жен., 1981 г. р., Романовский р-н, Алтайский край).

«Я когда родилась, я только знала, что мы русские, но потом, когда столкнулась с фольклором... стала понимать что это именно Украина, украин-

ский язык. До этого думала, что этот язык [украинский] как диалект русский, думала, что хохлы — это просто деревенское название» (жен., 1962 г. р., г. Барнаул).

Третьей по частоте упоминания причиной повышения украинской составляющей в этничности наших респондентов стали поездки в Украину или общение с родственниками, живущими там:

«Ну это, конечно, общение с исторической родиной, с той родиной, где вырос отец и откуда корни. Чем чаще я туда приезжал, чем чаще бывал, тем больше укреплялось вот это чувство украинства» (муж., 1959 г. р., г. Омск).

«В детстве я как-то не ощущала, украинка я или не украинка, а вот когда съездила туда, на Украину, и когда это увидела, познакомилась со своими родственниками, пообщалась, я, конечно, это ощутила. <...> Русской ощущала с самого рождения, потому что советские времена, я ж тут что скажу, я родственников не видела, я себя ощущала россиянской» (жен., 1957 г. р., г. Омск).

Со времен французской революции считается, что такие государственные институты, как учреждения образования и армия, являются основными проводниками строительства единой нации, а значит, и нивелирования этнокультурных различий в полиэтничных странах. Как было показано выше, школа и другие учреждения образования в России действительно выполняют эту функцию, однако влияние армии не столь однозначно. Два наших респондента (из 15 мужчин) отметили, что армия сыграла в их жизни скорее роль «будителя» украинских этнических чувств:

«Где-то до двадцати лет не предавал сильно большого значения [национальности], а срочная служба в армии, где у меня был командир отделения украинец, командир взвода — украинец, командир роты — украинец, и все вот это меня окружало, все эти разговоры... В период срочной службы в Советском Союзе процентов 70–80 сержантов были из Украины» (муж., 1973 г. р., г. Омск).

«Я в армии служив и, наверно, мисяца три хлопцы и не знали, что я по-хохлацки умю балакать, а потом як забалакав — они смиються... И не только я был [украинцем]... у нас учебка была вся с Омской области — з Буняковкы, Полтавка, Павлоградский, Одеський район, 90 человек, вси» (муж., 1948 г. р., Павлоградский р-н Омской обл.).

Помимо большой доли украинцев в советской армии, играло роль восприятие сослуживцами выходцев из сибирских, украинских по национальному составу, районов как «хохлов», т. е. социализация извне.

Воздействие общественно-политических процессов на этничность — причина редкая, на нее нам указали только два респондента, причем оба — в направлении роста украинской компоненты в идентичности. Приведем мнение еще одного из них:

«Когда был маленький, особенно не задумывался, ну русский и русский, считал. Этот перелом наступил, когда стал бывать на Украине, учить язык, и меня потянуло в европейскую культуру. Это началось в эпоху развала Советского Союза и распада всего, я смотрел как Россия в негативном плане меняется» (муж., 1967 г. р., г. Барнаул).

Таким образом, эмпирические исследования, выполненные в регионах традиционного проживания русско-украинского населения в Западной Сибири, свидетельствуют, что данная этногруппа по признаку трансформации этнической самоидентичности в течение жизни делится на две примерно равные группы: тех лиц, у кого ощущение двойной этничности присутствовало, по их собственному утверждению, всегда, и тех, у кого соотношение русской и украинской компонент этничности менялось под воздействием тех или иных факторов. Примечательно, что данное соотношение — 50/50 — сохраняется в группе как городских, так и сельских жителей.

Факторами роста русской компоненты этноидентичности наши респонденты называют прежде всего миграцию из села в город, как правило, с целью получения образования и карьеры. Русскоязычная среда города меняет и их этничность. Однако в случае возвратной миграции в сельскую местность с преобладающей украинской этнокультурной средой их украинская компонента этничности вновь возрастает. Реже в качестве причины роста русской компоненты этничности респонденты называют ее большую социальную «престижность», обусловленную главным образом невозможностью получения образования на украинском языке. Неизбежная в такой ситуации ассоциация украинского языка и культуры с «деревней» у некоторых респондентов стигматизировало украинскую идентичность, побуждая их «записаться» и начать идентифицировать себя в какой-то степени русскими.

Факторами роста украинской компоненты этничности респонденты называют прежде всего интерес к своей родословной, корням. Как правило, такие респонденты уже не знают украинского («хохлацкого») языка предков, но интерес к своему этническому происхождению пробуждает у них украинскую составляющую идентичности. Факторами роста «украинскости» биэтнических жителей являются также интерес к украинской культуре, прежде всего песне, общение с родственниками в Украине и/или поездки туда. Неожиданно для исследователей несколько респондентов назвали фактором роста украинской компоненты этничности службу в Советской армии, где молодые люди, проходя важный этап социализации, столкнулись с большой долей украинцев среди сослуживцев, а также осознали свою этничность за счет внешней этнической социализации — восприятия их в армии как «хохлов»/украинцев.

V. V. Bublikov

Transformation of the ethnic identity of the bi-ethnic Russian-Ukrainian population of Western Siberia (based on the materials of field research in 2020 in the Altai Territory and the Omsk Region)

Annotation. Empirical studies carried out in 2020 in the regions of traditional residence of the Russian-Ukrainian population in Western Siberia indicate that this ethnogroup, based on

the transformation of ethnic self-identity during life, is divided into two approximately equal groups: those persons who had a feeling of double ethnicity according to their own assertion always and those for whom the ratio of the Russian and Ukrainian components of ethnicity changed under the influence of certain factors that are considered in the article. **Keywords:** *ethnic identity, multiple ethno-identity, Russians, Ukrainians, Russian-Ukrainians, Western Siberia.*

Источники и литература

1. Степанов В. В. Этнокультурное многообразие России и возможности статистического измерения // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Москва: ИЭА РАН, 2018. С. 62–88.
2. Бубликов В. В. Уровень распространения множественной русско-украинской этноидентичности в Белгородской области // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. «Философия. Социология. Право». 2019. Т. 44, № 4. С. 562–574.
3. Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этнотатистика / ред. Мартынова М. Ю., Степанов В. В. Москва: ИЭА РАН, 2019. 433 с.
4. Фурсова Е. Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 748–753.
5. Люля Н. В. Украинское население Алтайского края: итоги и перспективы полевых исследований в конце XX – начале XXI в. // Вестник Алт. гос. пед. ун-та. 2019. № 4 (41). С. 109–115.

УДК 811.161.1'373.21(571.15)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-20-23

В. Е. Васильев

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Алтай в свете культа горы и неба: к проблеме происхождения топонима

Аннотация. В статье предлагается рабочая гипотеза о том, что в корне топонима «Алтай» лежит семантика священной горы, символизирующая на родовом, племенном, а затем и национально-этническом уровне сакральный центр мироздания, связанный с культами предков и божеств. Этнографические материалы Т. Д. Дыренковой свидетельствуют о тесной связи культа гор с духами-предками шаманов, которые выступали защитниками рода и племени тюрков Алтае-Саянского нагорья. Эти сведения, на наш взгляд, подтверждаются этимологическим опытом сравнений тюрко-монгольских и отчасти тунгусо-маньчжурских терминов. Смысловое единство или близкая схожесть понятий горы, предков и неба может пролить свет на архаические верования тюркских этносов, шаманизм которых восходит к общему алтайскому пласту культуры. Таким образом, ориентировочно можно предположить, что культ священного Алтая существовал в неолитическом прошлом, еще до возникновения эпохи бронзы и культуры ранних кочевников скифо-сакского мира. **Ключевые слова:** *Алтай, тюрки, монголы, этнография, этимология, семантика, культы.*

В научной литературе принято считать, что скифский мир, знаменитый золотыми украшениями, звериным стилем и курганами с конскими захоронениями, принадлежит индоиранским племенам, кочевой ареал которых охватывал Великую степь от Алтая до Причерноморья. Пришедший на смену тюркский мир многое унаследовал от культуры скифов и творчески развил духовные ценности его предшественников. Так, якутский профессор А. И. Гоголев считает, что санскритские заимствования в лексике народа саха, по мнению востоковедов, появились в доэтнический период культурогенеза якутов, когда их далекие пращуры контактировали с древнеарийскими племенами восточной ветви скифского ареала. Из всех санскритских слов-заимствований (около

200) большинство относится к сакральной лексике якутов. Иранизмами автор считает этноним саха (от сака 'олень'), имена божеств неба и солнца в лице Юрюнг Аар Тойона (Див) и солнца Юрюнг Айыы Тойона (аи), а также культ триады высших творцов. Влияние скифо-хуннского периода кочевничества сказалось в том, что якуты унаследовали элементы культуры пазырыкцев, общие для алтайцев, казахов, тувинцев и др. Как пример приводится алтайское слово *жалама* 'жертвенная веревка', соответствующее як. *салама* в том же значении из словаря Э. К. Пекарского [2, стб. 2040]: «*Байах сьлгы сиэллээх кутуруга саламалаах халлаан*» («Небо, которому мы жертвуем хвост и гриву здорового конного скота»). Перевод примера автор передает с уточнением: «Небо, укра-